

ГЛАВА ПЕРВАЯ

К вечеру прошел дождь, сильно похолодало. Но ниже нуля ртутный столбик не падал, земля не стыла, и единственная дорога, ведущая в деревню, тонула в грязи.

Лейтенант Шубин перебежал за мокрую скирду, заваленную ветками. В воздухе висела плотная изморось. Последние октябрьские дни 1941 года выдались дождливыми, полоскало обильно, дороги превратились в кашу. Вопрос интересный — кому это на руку? И наступать, и отступать в таких условиях было трудно.

За спиной раздался шорох, многозначительно кашлянули. Лейтенант раздраженно отмахнулся: сидеть! Размяк народ в партизанах, дисциплина хромает на обе ноги. Приказы еще выполняют, но обсуждать уже не стесняются. И трибуналом грозить бесполезно. Где он, этот трибунал?

За спиной стало тихо, успокоилось войско. Все устали как собаки. Дороги, хоть и раскисшие, находились под наблюдением. Посты немецкой

жандармерии дополнялись русскими полицаями. Пришлось ломиться сквозь чащу — через голый колючий шиповник, обилие валежника. В лесу холод не чувствовался, но когда вышли на открытый участок, стали подмерзать.

Деревня, если верить старой карте, называлась симпатично — Чижики. Скорее хутор, а не деревня, несколько дворов, вросшие в землю избышки, амбары на краю селения. Тянулся в небо журавль колодца. С населением было небогато, по дворам блуждали согбенные фигуры, в домах жгли оставшийся керосин. В таких селениях обитали никому не нужные старики.

Сквозь деревню проходила дорога — впрочем, одно название.

Леса отступили, на востоке виднелась развилка. Немцев в деревне поначалу не было. Пока Глеб изучал в бинокль подворья, сгустились сумерки. Разведчики могли сделать остановку, привести себя в порядок. Но пока он принимал решение, донесся треск мотоциклетных моторов, пришлось пятиться обратно в лес. По дороге проехали два тяжелых BMW R-75. В каждой машине, помимо пилота, сидел пулеметчик. Солдаты в касках, короткие шинели. Мотоциклы отличались проходимостью, но колеса вязли в непролазной грязи, для проезда приходилось использовать обочины. В замыкающей машине имелась рация — покачивался провод антенны.

Немцы въехали в деревню, заглушили моторы. Разведчики глухо выругались — вот и отдохнули, привели себя в порядок...

Гитлеровцы перекликались, блуждали по дворам, пугали местных жителей. Но сегодня не стреляли — настроение было благодушное. Уезжать из деревни они не собирались. Захлопали двери, посыпались дрова из поленицы.

Стемнело. Надвинулись черные тучи, опустились на лес.

— Что делать будем, товарищ лейтенант? — прошептал приземистый, стриженный под ноль Курганов, кутаясь в фуфайку. — Не май, однако. Дальше пойдем? Или этих перебьем да погреемся?

Четыре пары глаз вопросительно глядели на командира.

— Что главное в нашем ремесле, товарищи разведчики? — строго, как на экзамене, спросил Глеб.

— Я знаю, — встрепенулся Леха Кошкин, — вовремя убратся.

Бойцы заулыбались. Оскалился чернявый Арсен Вартамян.

— Двойка, боец. Главное — уметь ждать. Так что сидим и наблюдаем.

— У товарища лейтенанта чуйка проснулась, — догадался Курганов. — Ладно, мы люди терпеливые, будем ждать.

А ведь действительно сработала чуйка! Что забыли на хуторе четыре мотоциклиста, у которых есть командиры, поставленные задачи, и вообще им здесь не Бельгия с Голландией? Солдаты вермахта хозяйничали на хуторе. На задворках возник дымок — затопили баню.

Чутье не подвело, товарищи терпели, кутались в заношенные телогрейки. «Почему у пилотки уши не опускаются? — жаловался Кошкин. — Зима на носу, полярный холод, а мы одеты хуже, чем немцы». Через полчаса снова послышался шум: появился бронированный вездеход в сопровождении мотоцикла. Колонна проехала мимо, растворилась в деревне.

— Кошкин, выяснить, — приказал Глеб. — Одна нога здесь, другая там. Да не светись на юру, лесом давай...

Леха вернулся через восемь минут — устал, рухнул под осину.

— Гулянка намечается, товарищ лейтенант. Прибыла четверка офицеров, а с ними три бабы. Не спрашивайте, что за бабы, мне не доложили. Смеются, лопочут по-русски, делают вид, что им хорошо и они ничего не боятся. Видать, из Развального привезли — до села шесть верст. Шлюхи тамошние. Баню топят, ящики с харчами таскают, бутылки бренчат... Товарищ лейтенант, я их звания не разглядывал, но явно из штабных: ухоженные, брезгливые, с тропы — ни шагу. Это же

подарок, товарищ лейтенант... Ну, если другие не подъедут.

— А чего они тут забыли? — простодушно спросил Шперлинг. — Ну, и гуляли бы у себя в Развальном. Там и охраны больше, и ехать куда не надо.

— Квартирмейстеры? — предположил Кошкин. — А с ними пара чинов, чтобы присмотреться? Позже подойдет подразделение, встанут гарнизоном или штаб сюда перенесут...

— Сегодня вряд ли подойдут, — задумался Шубин. — Не стали бы тогда с девками гулять на ночь глядя. Утром подойдут основные силы. А сегодня гуляют, и к черту войну. Начальство далеко, район безопасный, в этом квадрате мы практически не светились. Сколько их всего?

— Четыре офицера, три барышни, — стал перечислять смысленный боец. — Четыре солдата в первой партии, два — во второй. Плюс еще водитель вездехода, он же денщик — такая вот оряси-на, проще перепрыгнуть, чем обойти. Семеро рыл рядового состава. В их числе капрал или унтер-офицер. Охранять будут господ офицеров. Только одеты они слабовато — шинельки на рыбьем меху, тонкие сапоги, будут больше греться бегом, чем охранять...

Стоило осмыслить ситуацию. Четыре офицера, пусть невысоких званий и должностей — просто божья милость. То, что квадрат перекроют

уже утром, значения не имело, разведчики уйдут. Полдня разведка плутала в потемках, и так не хотелось возвращаться с пустыми руками!

— Приготовить ножи и саперные лопатки. Для начала расчистим поле деятельности. Действовать тихо, по плану. А план я вам сейчас обрисую...

К хутору подкрались с двух сторон, когда веселье в русской бане набирало обороты. Из бревенчатого сруба доносились крики, бренчала посуда, смеялись женщины. Процесс разложения командного состава германской армии шел полным ходом. Вояки чувствовали себя в безопасности. Но охрану выставили. Все это напомнило безумный пир во время чумы. Распахнулась дверь, гогочущая ватага высыпала на крыльцо, но не задержалась — все же не тропики. Сильная мужская рука шлепнула по женскому заднему месту. Понесся визг.

Часовой на окраине деревни кутался в отвороты осенней шинели и что-то напевал. Но самое важное событие в своей жизни он пропустил. Подкрался Арсен Вартанян, сбил часового с ног, несколько раз ударил ножом в горло. Подоспел Курганов, мертвеца оттащили в канаву.

Та же история повторилась на другой стороне деревни, но там Халевич работал в одиночку. Часовой ахнул, скинул с плеча МР-40 и набрал воздух в легкие. Халевич прыгнул с разбега, зажал немцу горло и давил даже после того, как они оба

упали. Немец извивался, колотил ладонью по грязи, дескать, сдаюсь. Но подобные сигналы здесь не работали. Труп был тяжелый, подбежал Шперлинг, вдвоем разведчики оттащили мертвеца за дерево.

Еще одного часового Кошкин снял у калитки центральной избы. Тот прикрыл ладонями пламя зажигалки, эту штуку разведчик и вбил ему в зубы. А потом перехватил нож и добил ударом в живот.

Бойцы рассредоточились вокруг центрального подворья, перебрались через ограду. Двор окружали старые сараи. Шубин перелез на территорию с задней стороны, перебежал к бане, присел на углу.

Ждать пришлось недолго. По периметру курсировал рослый обер-гренадер с карабином «маузер» за плечом. Отточенное лезвие саперной лопатки разрубило ему ключицу. Глеб выдернул инструмент — брызнула кровь. Гренадер качнулся, схватился за рану. Второй удар был нанесен вертикально, тем же ребром. Треснула кость, потекло по лицу.

Солдаты вермахта слаженно действовали в составе подразделения, когда же они оставались наедине с опасностью, то терялись и впадали в замешательство.

Трамбовать мертвеца было некуда, Глеб оставил его на месте, прокрался, сжимая лопатку,

вдоль сруба. Внутри гуляла почтенная публика, раздражались взрывы смеха. Окна в парной отсутствовали. Имелось окно в предбаннике, где сидели люди, но настолько мутное и грязное, что им можно было пренебречь.

На крыльце центральной избы курил часовой. Сбоку вырос Кошкин, схватил немца за ноги, резким движением стащил с крыльца. Леха рисковал — тот мог закричать, но ударился головой и остался нем. Поединок продолжался за крыльцом, Кошкин сопел, нанося удары, немец сопротивлялся. Потом стало тихо, боец перевел дыхание. В темноте поблескивали шальные глаза.

— Товарищ лейтенант, это вы? — протянул он тягучим шепотом.

— Это я, — отозвался Шубин, поднимаясь на ноги. — Леха, мы не закончили...

— Ну да, один еще бегаёт, — подтвердил разведчик. — Хотя точно не установлено...

— Вроде всех охватили, — неуверенно заметил Курганов, отделяясь от сарая. — В бане еще денщик, ведрами гремит, напевает что-то, дрова подбрасывает...

Досадный пробел — не научиться считать до шести! Глеб и сам путался. На краю подворья показались двое — Шперлинг и Халевич. Не хватало Вартаняна. Бойцы озирались — не всем давалась в школе элементарная алгебра.

Вскоре все прояснилось: заскрипела дверь покосившегося сортира на другой стороне двора, от-

туда вывалился, подтягивая штаны, шестой солдат. Нашлась пропадающая душа! Караульный почуял неладное, растерянно заморгал. Отсутствовал товарищ на крыльце, а за ступенями валялось что-то бесформенное. Плюс подозрительные силуэты по периметру — явно не сослуживцы. Он попятился было обратно в сортир, но дверь уже захлопнулась, уперлась в спину. Сделал движение, словно собрался скинуть карабин с плеча, но оружие отсутствовало — оставил на крыльце перед посещением туалета.

Халевич метнул нож за мгновение до вопля. Но слишком далеко оказалась мишень — холодное оружие рассекло воздух и метко ударилось в грудь. Жаль, что рукояткой. Крик застрял в горле, запутались ноги. За спиной возник потерявшийся Вартанян, прыгнул на гитлеровца, повалил его носом в глину, стал колотить по загривку. Чувство меры не отказало. Арсен схватил его за ноги, потащил в темноту, где и продолжил экзекуцию до победного конца. Шубин облегченно выдохнул. По краю ходим, мужики, по самому краю...

Тени заскользили в вечернем воздухе, разведчики подкрались к бане. Снова незадача: за скрипела дверь, вышел приземистый упитанный солдат, выплюнул окурок. Разведчики застыли. О существовании седьмого, в принципе, знали, потому не растерялись. Денщик мурлыкал песен-

ку, по сторонам не смотрел, что и позволило ему прожить лишнюю минуту. Он спустился с крыльца, помахивая пустым ведром, присел у поленницы и стал набирать дрова. Закончив, побрел обратно к крыльцу. Остановился, не увидев часового у избы, крикнул:

— Эй, Гюнтер, ты здесь?

Ответа не дождался, пожал плечами и вошел в баню. В узком тамбуре горела свеча, там топилась печь, стояла табуретка и больше ничего. Тяжелая дверь в предбанник была закрыта, за ней картаво лаял немец, повизгивала женщина. Шубин вошел за денщиком, придержал дверь. Тот заметил силуэт за плечом, резко повернулся и застыл, охваченный страхом. Сильные пальцы сжали горло.

— Спокойно, — прошептал по-немецки Шубин. — Поставь ведро. Осторожно опусти... вот так... — Подогнулись ноги, рыжеволосый упитанный малый в звании обер-ефрейтора опустил ведро. Звякнула металлическая дужка. — Вот и умница, спасибо... — Немец смертельно побелел, глаза полезли из орбит. Он произнес спутанную речь, после чего лейтенант сдавил горло еще сильнее. Мало приятного — наблюдать, как в твоих руках умирает человек. Немец тужился, покрываясь пятнами.

Глеб опустил бездыханное тело рядом с печкой, прижал палец к губам — в баню сунулся возбужденный Кошкин. Понятливо закивал,

ослабился. Разведчики входили на цыпочках — страшные, как демоны, в облезлых фуфайках, в залатанных мешковатых штанах. Шубин на цыпочках подошел к двери, стал слушать.

Веселье текло своим чередом. Поперхнулась женщина, стала икать. Мужской половине собрания стало весело, они загоготали, кто-то ударил бабу по спине. Несчастливая поперхнулась и перестала икать.

— Конрад, да ты прямо доктор! — восхитился немец. Участники гульбы уже здорово набрались и наелись. Забулькал шнапс, родился тост: — За скорую победу великой Германии, за то, чтобы не возиться с этими русскими до зимы!

Пирующие сдвинули стаканы, выпили. Потом кто-то предложил еще раз посетить парную. Не желают ли дамы присоединиться? «Дамы» запищали, что они уже не могут, там жарко, и если господа офицеры позволят им остаться, они будут премного благодарны.

— Я тоже останусь, герр майор, — бросил один из присутствующих. — Не понимаю этого удовольствия — сидеть и обливаться потом. Русские еще вениками хлещутся — зачем? А мы им уподобляемся...

Низкий голос согласился, что он тоже многого не понимает, однако в этой бане что-то есть. Не зря же союзники-финны так ценят свои сауны, которые мало чем отличаются от русских бань.

Скрипнула дверь. Трое удалились в парную.

— И что мы мнемся, как погорельцы? — не понял Курганов.

Шубин распахнул дверь, ворвался в предбанник с автоматом наперевес. Возникла немая сцена. Предбанник был просторный, и обстановка — самое то. Возможно, до войны сюда приезжали париться представители сельских парторганизаций, директора колхозов.

Дверь в парную была закрыта. На вешалке висела одежда — женские пальто, офицерское обмундирование, ремни с портупелями и кобурами. За дубовым столом сидели четверо — одетые весьма условно, разморенные, раскрасневшиеся. Сельские девки со спутанными волосами — не первые красотки на деревне, но уж что нашли. Выделялся жилистый тип под сорок, с залысинами и выпуклыми рыбьими глазами. Из одежды — только трусы, а у представительниц прекрасного пола — простыни на голых телах. Не сказать, что стол ломился от яств — три бутылки шнапса, две из которых уже «приговорили», консервы, солености, нарезанное кольцами вяленое мясо.

Компания оторопела, все застыли с открытыми ртами. Шубин вышел вперед, ствол ППШ уставился немцу в лицо. У того медленно отвисла челюсть.

— Ой... — прошептала крупная барышня со следами оспы на лице. Громко икнула ее товар-

ка — худая, нескладная, но на лицо, пожалуй, самая симпатичная. Третья затряслась, первой вышла из ступора, стала зачем-то креститься — она была самой упитанной, видимо, неплохо ей жилось на немецких харчах.

Разведчики наводнили предбанник. Немая сцена затянулась. В парной упал тазик, раздался дружный гогот. Глеб покосился на дверь и накинул на скобу массивный стальной крючок. Бросил через плечо:

— Эй, на галерке — подкиньте дров, пусть люди погреваются.

Злорадно засмеялся Шперлинг, отступил в тамбур и загремел ведром. Напрасно Шубин отвел глаза — немцу этого хватило! Он издал отчаянный рев, отшатнулся вместе с табуреткой. Не успел никто опомниться, как офицер прыжком подлетел к окну и вывалился наружу, выбив плечом раму! Брызнули осколки, затрещало дерево. Завизжали перепуганные девки. Цирковой трюк, как ни странно, удался. Голое туловище в полосатых «гусарских» трусах перевалилось через подоконник и рухнуло в битое стекло.

— Человек за бортом! — ахнул Вартанян.

Курганов оттолкнул его, выхватил из-за пазухи «ТТ» с намернутым глушителем «БраМит» — осталась еще парочка от прежней жизни, подбежал к окну, стал бегло палить. Голый немец далеко не

ушел, пуля догнала его, швырнула на землю. Курганов выпустил следом еще две пули.

— Фу, спасли утопающего... — облегченно выдохнул Вартанян и засмеялся.

Бабы заголосили, кутаясь в простыни. Закричали офицеры в парной, стали биться в дверь. Она прыгала на петлях, но крючок держался.

В тамбуре колдовал Шперлинг, щедро подбрасывал дрова в топку. Дерево трещало, жадно горело. Из разбитого окна тянуло холодком. Но вряд ли на это обратили внимание. Возню в парной разведчики игнорировали — пусть парятся господа. Выйти немцы никак не могли — окна отсутствовали.

Взгляды разведчиков обратились к женщинам. Их разглядывали с любопытством, с легким презрением. Женщины выли от страха, обнимали друг дружку. Та, что после оспы, уже пришла в себя, перестала голосить, приняла покаянный вид.

— Вах, какие пэрсики, — поцокал языком Вартанян. Он намеренно коверкал русскую речь. — Командир, да это целое персиковое дерево!

— Не корчи из себя неруся, — поморщился Глеб. — Что там у тебя за плечами? Ереванский государственный университет?

— Так точно, товарищ лейтенант, — без тени акцента отозвался Арсен. — Окончил с отличием в 37-м году. Специальность — русский язык и ли-

тература. Два года проработал учителем в общеобразовательной школе города Гюмри.

— И я до войны работала учителем в сельской школе... — прошептала обладательница оспин. — И тоже русский язык и литература...

— Вам, фрау, давали слово? — нахмурился Глеб.

— Вот же суки, подстилки фашистские... — сплюнул Халевич.

Женщина осеклась, затряслась нижняя губа. Остальные потеряли дар речи.

— Ладно, мужики, раз пошла такая пьянка... — неуверенно изрек Кошкин, подходя к столу.

— Режь последний огурец, — засмеялся из тамбура Шперлинг. Он продолжал с усилием пихать дрова в топку. Печь раскалилась, огонь жадно гудел. Из парной раздавались жалобные крики задыхающихся немцев. Снова долбанулись в дверь, но прочная конструкция выдержала.

Кошкин захрустел соленым огурцом. Подошли остальные. Курганов извлек из-за голенища ложку, завернутую в тряпку, потянулся за консервной банкой. Шубин не возражал. Подкрепиться стоило — дорога была дальняя. И собственные остатки провианта целее будут. Не прошло и минуты, как народ жадно зачавкал.

— По маленькой, товарищ лейтенант? — предложил Вартамян, заговорщицки подмигнув.

— Перебьетесь. Разрешаю взять с собой — до лучших времен.

— С девичником что будем делать? — спросил Халевич. — Расстреляем?

— Ну ты и крут, Холерыч, — уважительно заметил Кошкин.

— Я Халевич, — обиделся боец.

— А я что сказал? — разведчик засмеялся.

Женщины затряслись.

— Пожалуйста, не надо... — заикаясь, произнесла худая. — Нас заставили, мы не хотели... У меня в Развальном голодный ребенок, больная мама, я должна их чем-то кормить...

— Нас силой заставляют, — выдавила пухлая. — Полицаи на прошлой неделе собрали всех молодых женщин, пригнали к управе, сказали, чтобы улыбались немцам, смеялись над их шутками, даже если не понимаем, о чем они говорят... Немцы отобрали пятнадцать девушек, устроили бордель в здании клуба, там постоянная очередь из немцев и полицаев... Говорят, что мы должны проявлять сознательность, добросовестно обслуживать борцов с большевистским режимом... Мы не по своей воле, поймите...

— Так я не понял, расстреливать не будем? — не унимался Халевич.

— Делайте, что хотите... — пробормотала крупная, и снова на ее глазах заблестели слезы. — Мне уже все равно, нас немцы испортили, мы больше никому не нужны...

— Матрена, что ты такое говоришь? — ахнула худая и снова стала икать.

— Проработаем по комсомольской линии? — предложил, сдерживая смех, Кошкин.

— Выйди на улицу, — приказал Глеб. — Там стой и охраняй, больше не заходи. Подъедут посторонние — сигнализируй.

— Эх, жизнь... — посетовал Леха, забрасывая автомат за плечо. — Гонят на холод как последнюю собаку. Вот так и проходит героическая юность...

Разведчики заулыбались. Женщины чувствовали себя неуютно. Простыни мало ассоциировались с одеждой. Ситуация образовалась нетипичная.

Шубин откровенно терялся. Он не был ярым гуманистом, сострадания к «оступившимся» не испытывал, но убивать проституток... Да и какие они проститутки? Немцы им не платят...

— Накажем имеющимися средствами? — деловито предложил Вартанян.

— Это какими? — не понял Халевич.

Разведчики насторожились. Пришел Шперлинг — он набил до отказа топку и с трудом закрыл дверцу. В парной сразу сделалось как-то тихо. Доносились лишь протяжные стоны.

«Слабаки», — подумал Глеб.

— Ну, все, хватит, — строго сказал он. — Оденьтесь, а то смотреть противно.

— Не то чтобы противно, — поправил Кошкин, показавшись в окне, — тошно.

— Уйди, — разозлился Шубин. — Делом займись.

Отворачиваться не стали. С вешалки стащили офицерские портупечи с пистолетами, женщинам бросили одежду. Они облачались в свои тряпки, попеременно закрываясь простыней, умоляли не убивать их. В пустые головы не приходило, что расстрелять могли и нагишом.

— Последний шанс, девчата, — объявил Шубин, с усмешкой оглядывая вытянутые физиономии. — Имеем парочку вопросов. Кого ублажали?

— Это офицеры из штаба полка... — забормотала Матрена. — Остальные появятся перед рассветом... Сюда должны перевезти штаб батальона или что-то такое... Мы не знаем, нам же не докладывают, а по-немецки мы плохо понимаем... Этого звали Клаус... — она кивнула на окно, за которым валялся труп в трусах. — Он немного понимает по-русски...

— Понимал, — поправил Шубин.

— Да, понимал... — Матрена закивала. — Нас заставили, староста Касьян Качалов специально отобрал девчат, когда ему немцы приказали... У них майор главный там... — Матрена кивнула на запертую дверь. — Плотный такой, у него рожа, как у бульдога, по-нашему вообще не по-

нимает. Они сегодня добрые, только бьют по задницам больно... — Бледное лицо Матрены раскрасили пунцовые пятна. — Его зовут Генрих, фамилия, кажется, Оффенбах... Больше ничего не знаем, правда.

— Мы больше не будем, — добавила щуплая и икнула, как бы закрепив обещание.

— Больше, разумеется, не будете, — хмыкнул Вартамян, поднимая автомат.

Женщины запищали, сбились в кучу.

— Не пугай гражданок, — поморщился Глеб. — Судить их не будем, пусть их совесть судит. А когда вернутся наши, то и другие судилища заработают. Не отвергнутся, всем воздастся.

Он откинул крючок и вошел в парную. Там царил раскаленный ад. Дышать горячим воздухом было невозможно. Шперлинг перестарался.

Голые тела еще подавали признаки жизни. Стонал сравнительно молодой немец с мутными глазами. Второго пришлось отодвинуть ногой: он полз к выходу, поднял голову, снова уткнулся в пол. Плотный фриц, в годах, с «монастырской» плешью, обрамленной седыми волосами, скорчился возле бака с холодной водой — видимо, пытался облиться, чтобы хоть как-то выжить в этом пекле, но это не помогло. Сил подняться не было, он картинно держался за сердце.

— Фу, жарко тут, — сунулся за Шубиным Вартамян. — Нормально попарились гости?

— Да, все довольны. Холерыч... тьфу, Хале-вич, — берите с Арсеном этого кренделя, тащите в предбанник, да нежнее, чтобы голову о порожек не разбил. Голова у него ценная, жалко, если потеряем.

— А ничего, что он голый? — насторожился Халевич.

— Мы еще и брезгливые? Вы за ноги тащите, отвернитесь, если такие стеснительные.

— А этих? — деловито осведомился Вартамян.

— А эти пусть лежат, они еще не закончили. Шперлинг, еще дров подкинь, прохладно становится.

Майора потащили за ноги, он лопотал бессвязные фразы, вращал глазами. Курганов отодвинул стол, освобождая место, женщин загнали в угол и приказали не дышать. Майор ворочался на полу, бляял и пускал слюни.

— Простыней прикройте, — поморщился Глеб. — Это действительно противно...

Майор вдруг дернулся, издал душераздирающий рев и схватил за ноги Курганова. Ахнули бабы. Боец не растерялся, врезал фрицу в челюсть мозолистым кулаком. Последствия оказались плачевными: посыпались зубы, треснула кость. Майор откинул голову, застонал.

— Тебя просили? — разозлился Шубин. — Теперь сам его допрашивай.

— Виноват, товарищ лейтенант, — смутился Курганов, — но я по-немецки три слова знаю, да и те... А сами бы вы как поступили? О, свят... — Курганов отшатнулся, когда немец с перекошенным лицом снова потянулся к нему.

С большим трудом удавалось сохранить серьезность. Даже женщины хихикали. Майор тяжело дышал, глаза воровато бегали. Вражеские интимные подробности худо-бедно укрыли простыней.

— Вы кто? — прохрипел офицер. Он сильно шепелявил, с губ сползала пена вместе с зубной крошкой.

— Операция «Милый друг», герр Оффенбах, — объяснил Глеб. — Вас приветствует советская разведка. Предлагаю поговорить.

— Мне не о чем с вами говорить... Я не разговариваю с русскими ублюдками... Немедленно меня отпустите, дайте одеться и освободите моих товарищей... Вы поступили подло и трусливо, заперев нас в этой чертовой бане...

— Вы правы, герр майор, мы поступили некрасиво, но кто сказал, что вы имеете право нас судить? Не хотите разговаривать? Дело хозяйское. Ребята, а ну, давайте его обратно в парную!

Сильные руки схватили немца за конечности. Майор задергался, исказилось лицо в нечеловеческом страдании.

— Нет, я вас прошу, не надо туда, я буду говорить...

— Надо же, — почесал загривок Шперлинг. — Даже не знал, что у русской бани такие целебные свойства.

Сначала немец говорил путано и невнятно, корчил из себя умирающего. Но уловки не сработали, о чем Шубин прозрачно и намекнул. Выяснился отрядный факт: герр Оффенбах полностью в курсе дислокации немецко-фашистских войск в соседнем с Вяземским Кружилинском районе. Иногда он пытался юлить, тогда перед разбитой челюстью возникал кулак, и беседа возвращалась в конструктивное русло.

Подразделения гитлеровских войск концентрировались в крупных поселениях. В Кружилино и Развальном стояли мотопехотные полки — полностью укомплектованные и готовые усилить идущие в наступление части. В деревне Грязево дислоцировались танкисты-гренадеры, там же на рассвете ожидали парашютно-десантный батальон СС. В деревнях стояли небольшие подразделения, усиленные танковыми ротами.

Шубин расстелил на коленях карту, делал пометки химическим карандашом. Появлялась пища для размышлений. База полковника Моисеевского, с которой прибыли разведчики, находилась южнее, в Чановском бору. Путь на восток был отрезан — едва ли полтысячи бойцов, обре-

мененные обозами и ранеными, смогли втянуться, словно нитка в иголку, в узкий проход между селами, напичканными фашистами. Оставалась дорога на север, в Кружилинский район, а оттуда — на восток, где до границы Московской области было рукой подать.

Лейтенант исследовал карту, прислушиваясь к бормотанию майора, чертил карандашом примерный маршрут. Вроде все сходилось — из Чановского леса на север, вдоль протяженной Лосиной балки, отдых в деревне Шлыково, куда не заходили немцы, дальше — краем обширного бора, холмистая местность вблизи заброшенного бетонного завода, безопасный заповедник Куроносово...

Но что-то было не так, немец чего-то недоговаривал, ходил вокруг да около.

— Герр Оффенбах, вы все сказали? — вкрадчиво спросил Глеб. Немец закивал: да, да. Он уже чувствовал себя намного лучше.

— Ну что ж, придется вам еще погреться. — Шубин кивнул товарищам. Немец понял, что сейчас произойдет, пришел в неопишуемый ужас. Это было хуже, чем смерть! Только не это! Он вцепился в пол, стал выкрикивать мольбы о пощаде. Потом сдался, пробормотал, что скажет все.

— Только правду, — предупредил Шубин. — Вы же открытая книга, герр майор. Станете врать — и добро пожаловать в русскую баню.

Сведения, данные майором, ввергли разведчиков в уныние. О местонахождении отряда полковника Моисеевского немцы прекрасно знали и готовили операцию по его уничтожению. Данные об отряде поступили недавно, иначе с партизанами давно бы расправились.

Карательные части стоят в деревнях Саженька и Завьялово к югу от Чановского бора и завтра вечером с наступлением темноты начнут разворачиваться в боевой порядок. Лес блокируют, уже готовы мощные прожекторы и целый склад осветительных ракет. У партизан останется единственная лазейка — отход на север. Но не зря в этот район прибывает парашютно-десантный батальон СС! Один из взводов будет выброшен сегодня на рассвете в район небольшого поля — между краем Чановского леса и Семяжинским хутором (последний был отмечен на карте). Взводу приказано окопаться и встретить отступающих партизан. Такие же подразделения будут сброшены восточнее и западнее — они в случае необходимости придут на помощь. Точное время высадки десанта майор не знает. Но это должно быть на рассвете.

От таких новостей становилось дурно. Притихли разведчики — почувствовали, что новости так себе. Призрак крупных неприятностей витал в воздухе.

Шубин внимательно разглядывал карту. Если майор не врал (а он, похоже, не врал), уже зав-

тра днем положение отряда станет безнадежным. А его группа ушла в самую глушь и при этом без радиации! До места выброски десанта — коломенская верста, до базы — еще дальше (да еще в другом направлении). Нужно срочно принимать решение, пока оставался хоть какой-то шанс.

— Бабы, живо оделись и пошли вон! — командовал Глеб. — Если узнаем, что продолжаете обслуживать оккупантов, пеняйте на себя. Живо, кому сказано! Пешком добегите до своего Развального, не развалитесь!

Женщины засуетились, стали натягивать пальтишки, задыхались от волнения. Матрена бормотала слова благодарности, уверяла, что они больше никогда, ни за что на свете! Никто не сомневался, что по прибытии в Развальное они побегут к немцам, будут каяться, оправдываться, но когда еще это произойдет! Партизаны уже уйдут.

Халевич сунул два пальца в рот, засвистел, как Соловей-Разбойник, и перепуганные девчонки пулей вылетели из бани. Кошкин с улицы докладывал: они уже на дороге, скачут так, что грязь летит из-под копыт, — а вдруг разведчики передумают?

— Последний вопрос, герр Оффенбах. — Шубин склонился над пленным: — Откуда вам известно местонахождение отряда?

— Военная разведка получала сведения из вашего леса, их оставляли в условном месте... Этот

человек сам предложил свои услуги, он понял, что бессмысленно сопротивляться германской армии. К тому же через неделю-другую будет взята Москва... Это один из помощников полковника Моисеевского, он занимается хозяйственной частью, не знаю его фамилии.

Шубин едва сдерживал ярость. Вот уж воистину, сколько сюрпризов сразу... Он сел на табуретку, перевел дыхание.

— Все плохо, товарищ лейтенант? — осторожно спросил Вартамян.

— Не позволим довести до трагедии. — Лейтенант лаконично описал создавшуюся ситуацию. Разведчики помрачнели. Курганов грыз последний огурец — набирался сил перед дорогой. — Не знаю, мужики, что бы мы делали без сведений герра Оффенбаха. Столько сказал, что даже убивать жалко.

— Так не убивайте, — пожал плечами Вартамян. — Выпустим в лес голышом, пусть побежит, утром поймет, что здесь не Елисейские Поля.

— А это еще где? — не понял Халевич.

— В Париже.

— Там есть поля?

— А где их нет, — хмыкнул Арсен. — Высаживают рожь, овес, гречиху — все как у людей...

— Так, хватит глумиться над малообразованными, — перебил его Шубин. — Обратите внимание на карту. К пяти часам утра, желательно не

позднее, мы должны прибыть в этот квадрат. — Он обвел пальцем место предполагаемой высадки парашютистов. — С этим десантом надо решать, он не должен закрепиться. Снять пулеметы с мотоциклов и взять с собой. Вартанян, у тебя толковая голова и быстрые ноги — возвращайся на базу, доложи Моисеевскому все, что мы узнали. Докладывать с глаза на глаз — никаких посторонних. Мы не знаем, кто работает предателем. Базу эвакуировать не позднее обеда, выступать в этом направлении, — он снова показал пальцем, — использовать передовые дозоры. Надеюсь, мы встретим отряд. Дорогу ты должен помнить. Старайся меньше отдыхать и держись подальше от немцев.

— Есть, товарищ лейтенант. — Вартанян немного побледнел. Перспектива в одиночку ломиться через ночной лес не окрыляла. — Я все сделаю, не беспокойтесь...

— Остальные выступают через десять минут. Шперлинг, Халевич, демонтировать пулеметы, собрать боеприпасы.

Возник вопрос: что делать с майором? Тот пришел в себя, но боялся встать, на что-то надеялся. Моральные принципы в подобных ситуациях не работали. Глеб кивнул Курганову. Тот вынул из-за пазухи пистолет с навернутым глушителем, взвел курок и выстрелил в затылок ничего не подозревающему Оффенбаху.

В парной все было кончено — голые тела не подавали признаков жизни. Один задохнулся жаром, у другого от предельных температур произошла остановка сердца. Жар стоял безжалостный — его не выдержал бы даже тренированный человек.

— Товарищ лейтенант, давайте еще раз посмотрим карту, — предложил Курганов. — К Семяжинскому хутору наверняка ведут проселочные дороги. Они раскисли, но это неважно. Вы забыли про вездеход? Он стоит без дела, бак наверняка заправлен, а немцы в ближайшие часы не бросятся его искать. Пусть проедем лишнее, дадим крюк, но все равно это будет быстрее, чем пешком ломиться через дебри — да еще с полной выкладкой и немецкими пулеметами.

А это была идея. Шубин задумался...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Громоздкая машина месила грязь, подминала под себя кустарники и неокрепшие деревца. Изделие фирмы MAN представляло собой нечто среднее между грузовиком и легковым автомобилем. Кузов и передние сиденья укрывал брезент. Мощные передние колеса, гусеницы — на задних.

Машина обросла грязью — даже одержимые чистотой немцы не успевали ее смывать. Грязь

лепешками летела из-под колес. Шперлинг и Халевич обнимали длинноствольные пулеметы MG-34 — пусть не совершенное, но мощное оружие. Эти штуки весили по двенадцать килограммов, за минуту вырабатывали тысячу патронов, имели прицельную дальность почти километр и снабжались корбчатыми магазинами.

Шубин лично сел за руль. Сложностей с управлением не возникло, двигались на пониженной передаче. Карта района, как фотография, стояла перед глазами лейтенанта...

Вездеход оказался неплохим подспорьем. Без него бы не успели. Но дальше дорога уходила на северо-запад, и это было неприемлемо. Для выхода в указанный район требовалось совершить бодрый марш-бросок по дикому лесу. В эти края не забирались немцы, здесь не орудовали партизаны, отсутствовали населенные пункты.

Вездеход загнали в лес, сами спешили. Огни фонарей блуждали по скоплениям голого кустарника, по ковру из сырого хвороста. Дряхлые осины переплетались ветками. Разведчики шли осторожно, природных ловушек хватало. Берегли дыхание, несли по очереди громоздкие пулеметы. Глеб постоянно сверялся с компасом, на коротких привалах припадал к карте, высчитывая пройденное расстояние...

С того дня, когда мобильные соединения Группы армий «Центр» окружили под Вязьмой

несколько советских армий, прошло больше трех недель. Поражение было сокрушительным, немецкая разведка сделала все, чтобы сбить с толку советских стратегов, пустить их по ложному пути. Направление главного удара оказалось во все не на дороге Смоленск — Москва, как ожидали наши. Танковые колонны ударили южнее и севернее, смяли редкие порядки Красной Армии и к 7 октября замкнули кольцо под Вязьмой. Вырваться удалось лишь небольшим группам.

Красная Армия потеряла сотни тысяч человек — убитыми и пленными. Немцы были в растерянности: куда девать всю эту беспомощную человеческую массу? Пленных расстреливали, угоняли на запад, держали в построенных на скорую руку концентрационных лагерях.

Можайская линия обороны оказалась не готова, и на всем протяжении от Вязьмы до столицы практически не осталось советских войск. В Москве вспыхнула паника, которая продолжалась несколько дней, пока власти не взяли ситуацию под контроль.

Положение на фронте было катастрофическим. Для латания дыр бросали едва сформированные дивизии московских ополченцев, курсантские отряды — они погибали полностью в первых же боях.

Лейтенант Шубин и несколько человек из его взвода полковой разведки неделю плутали по вя-

земским лесам в поисках следов своей дивизии. В итоге нашли. 303-ю стрелковую дивизию ожидала та же участь, что и большинство окруженных войск. Но полковнику Моисеевскому удалось прорваться с несколькими сотнями красноармейцев, осесть в лесах восточнее Вязьмы. С ними были гражданские, много раненых. Лида Разина, которую Глеб уже и не чаял увидеть живой, оказалась в их числе. Санитарному поезду не удалось прорвать кольцо, большинство раненых погибло, но небольшая группа пробилась к лесу, где и встретилась с бойцами Моисеевского.

В последующие дни отряд пополнялся выходящими из окружения группами, прибыла сотня штыков под командованием батальонного комиссара Ухтомского. Но это уже была не регулярная часть. Пять сотен бойцов, бабы, дети, полторы сотни больных и раненых — это был какой-то неповоротливый табор.

Каратели сжимали кольцо, пришлось уйти на северо-восток, путая следы, — в Чановский бор. Там, в окружении болот, полковник Моисеевский выстроил себе новую базу. Связь с Большой землей поддерживалась — руководство группы было в курсе дел на фронте.

Попытки пробиться не имели успеха, и Москва отдала приказ засесть в лесу и заняться партизанской деятельностью. В тылу немецких войск работы хватало — громить склады и казармы,

уничтожать коммуникации, колонны с горючим и продовольствием.

За три недели партизаны провели десяток акций. Был уничтожен едва сформированный взвод полиции; освобождена группа вяземских евреев, которых не успели расстрелять; ликвидирован склад ГСМ, взорвана подстанция, от которой питался военный аэродром в Сосновке.

Дважды разведчики Шубина устраивали засады на дорогах, брали высокопоставленных офицеров вермахта, допрашивали, а потом секретные данные отправлялись в Москву. Выжившие в котле Шубин, Кошкин, Шперлинг, Курганов стали костяком разведки полковника Моисеевского. Глеб добавил еще несколько человек, сформировал из них отделение — по принципу «лучше меньше, да лучше».

Полковник Моисеевский выделил своему начальнику разведки отдельную землянку, и теперь в нее частенько захаживала Лида. Сначала смущалась, норовила быстрее прошмыгнуть, прятала лицо под платком. Потом перестала таиться, но все равно смущалась, ловя на себе заинтересованные взгляды окружающих. Однажды осталась на ночь, а сбежала под утро, когда бодрствовали только часовые. Через сутки опять заглянула на ночь, и это вошло в привычку. Никто не осуждал, но глядели косо — больше завидовали, чем попрекали. «Нехорошо это, Глебушка, —

вздыхала Лида, гнездясь под бочком. — Ведем себя бесстыдно, а ведь мы даже не женаты. Люди смотрят, что попало думают». «Так давай поженимся, кто бы возражал», — отвечал ей Шубин, борясь со сном. «А кто нас распишет? — смеялась Лида. — Полковник Моисеевский? Это не в его полномочиях. Забежим в загс ближайшего села, попросим полицаев отвернуться? Слушай, у нас же поп Василий есть, — осенило Лиду. — Позавчера прибыл из Елизаровки, фрицев перестрелял, когда они поджигать его церковь пришли, и с автоматом — к нам. Вот поп Василий нас и обвенчает, решено».

Это была шутка, подобного новаторства никто бы не оценил. Да и не считался бы этот брак настоящим. Но слухок о предстоящем бракосочетании пошел в народ, разведчики уже не косились на Лиду, украдкой пробирающуюся в землянку.

Партизанская вольница выдалась недолгой. Для проведения акций бойцы совершали затяжные переходы. Орудовать под носом у фашистов было самоубийством.

В последнюю неделю решительно не везло. Засада на колонну, перевозящую провиант, обернулась неудачей. Охраны оказалось больше, чем думали, в каждой машине работал пулеметчик. Наши откатились, потеряв четырех человек.

Контакт с партизанами соседнего района также не удался. Группа прибыла на встречу со связ-